

ским грамматическим искусством. Есть основания допустить, что это был охридский архиепископ Даниил, который, по словам известного русского архимандрита-путешественника Арсения Суханова, жил в то время в качестве гостя (может быть, уже после лишения его охридской архиепископской кафедры) при дворе угро-валашского митрополита. Арсений Суханов видел его в Торговище в 1650 г. во время своей поездки на Восток, о чем сообщает в написанном им «Проскинитарии».⁹ Вне всякого сомнения, обучение славянской грамматике велось по руководству Смотрицкого, которое столь старательно было списано иеромонахом Стефаном, желавшим иметь его и у себя на родине.

Менее ясен текст второй записи, трудности при прочтении которой возникают еще в самом ее начале. Во-первых, что обозначают слова «Преписа же ся паки»? О какой переписке идет речь — всей рукописи или какой-либо ее части, как думает автор заметки в журнале «Българска сбирка» Сп. Ганев. Сп. Ганев склонен считать, что «многогрешный Михаил» из села Вречж (Врачеш?), в руки которого попала рукопись иеромонаха Стефана, в 1666 г. переписал заново только 28 страниц (стр. 21—48 по нашей пагинации), почерк которых, действительно, отличается от почерка остальной части рукописи и очень близок к почерку приписки, сделанной «многогрешным Михаилом». Отсюда и его вывод: «Думите преписажеся паки се отнасят, по всяка вероятност, до допълнително преписаните 28 страници от многогрешния Михаила... в ръцете на когото, възможно е, да е попаднала книгата през 1666 г. със загубени листа, а той грижливо я е допълнил и обвезал (переплел, — Н. Д.)».¹⁰

По нашему мнению, вопрос с перепиской рукописи обстоит несколько по-иному. Действительно, почерк стр. 21—48 не похож на почерк остальной рукописи и очень близок к почерку приписок (мы бы сказали даже одинаков с приписками). Однако Сп. Ганев не обратил внимания на то, что слова, написанные буквами, совпадающими с буквами на стр. 21—48 и в приписке, встречаются и в других местах списка (на П. 8, стр. 16 и 2а, 115 и 116 по нашей пагинации и т. д.). А эти страницы ни в коем случае не могли быть переписаны дополнительно какой-то второй рукой.

Кроме того, необходимо принять во внимание и следующие доводы.

1. Почерк обеих приписок на предпоследней странице совершенно одинаков с почерком на стр. 21—48 и 129—130 (и нескольких других), а этот факт свидетельствует о том, что приписки и указанные выше страницы написаны одним писцом. Бесспорное сходство почерка обеих приписок является также важным обстоятельством и в вопросе об определении времени написания рукописи и ее переписчика.

2. Ни из каких других техник и черк и х, так сказать, признаков не вытекает, что стр. 21—48 были переписаны впоследствии. В пользу этого нашего заключения говорит как их бумага, которая вряд ли могла быть совершенно одинаковой, при их предполагаемой вторичной переписке (в 1666 г., т. е. спустя целых 11 лет и притом в совсем другом месте), с бумагой остальной рукописи, так и объем предположительно вновь переписанного текста, с абсолютной точностью вставленного между страницами

⁹ Сведения об охридском архиепископе Данииле, названном в одной более новой рукописи епископом, находим у Е. Голубинского в его «Кратком очерке православных церквей — болгарской, сербской и румынской» (М., 1871, стр. 138, № 36), а также у Гельцера (H. Gelzer. Der Patriarchat von Achrida. — Abhandlungen der Philologisch-histor. Classe der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, 20 Band V, 1903, 27, 55) и Ив. Снегарова (История на Охридската архиепископия-патриаршия. София, 1931, стр. 197).

¹⁰ Сп. Ганев. Един бълг. препис на граматиката на Мил. Смотрички, стр. 377.